

В. А. Доманский¹

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО И МОСКОВСКОГО ТЕСТОВ: ОППОЗИЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»

Бытие культуры — это всегда наличие двух или нескольких сущностных полюсов, разных культурных гнезд. Наиболее ярко это проявляется как диалог культурно-административных центров, исторических столиц, в котором фиксируется, проясняется и генерируется культурное многоголосие нации и человечества. В русской культуре субъектами этого перманентного диалога являются две столицы — Москва и Петербург, центры исторического самосознания и стратегий духовного развития России.

Сразу же после своего основания Петербург, наследующий культурный и конфессиональный приоритет Москвы как «третьего Рима», стал новой Святой землей, а Москва теперь виделась древней патриархальной столицей. По мысли Ю. М. Лотмана: «Создавалась парадигма идей, в которой Рим “папешный” и Москва допетровская объединялись в противопоставлении Петербургу — истинному Граду Святого Петра»². Чуть позже сравнение двух столиц уже идет не в формах контраста и аналогии, а в форме взаимоотрицания. Петербург рассматривается как город «чужой», остров импортированной культуры Запада, а Москва — православная столица, оплот патриархальных традиций и всего российского. Эту позицию отчетливо высказал П. И. Сумароков: «Две столицы наши столь же непохожи между собою, как Лондон с Парижем: все в них, даже природа, различно. В Москве древние храмы, терема царские, прелестные окрестности, родовая оседлость наша. Здесь все с иголки, с чужеземного образца, вокруг мхи, болота. Там простота, радушие, здесь утонченность, чиновность»³.

¹ Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Культурологические основы изучения литературы в школе», «Литература в синтезе искусств. Сад и город как текст» (в соавт.), учебных пособий: «Литература и культура: культурологический подход к изучению словесности в школе», «Организация внутрикультурного диалога в процессе изучения литературы» (в соавт.); научный редактор 13 научных сборников. Член Союза российских писателей, член международного Тургеневского общества (Баден-Баден) и Британо-французской ассоциации по изучению русской культуры (Париж), главный редактор «Педагогического журнала». Награжден медалью «За заслуги перед Томским государственным университетом». Область научных интересов: культурология, история литературы, региональная журналистика, гуманитарное образование.

² Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Великого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Художественный язык Средневековья*. М., 1982. С. 242.

³ Сумароков П. И. Старый и новый быт // *Маяк*. 1841. Ч. XVI: Проза. С. 237–238, 254.

Диалог столиц, «старой» и «младшей», обретает со временем вид спора западников-прогрессистов и славянофилов-консерваторов. Москва во многих случаях стала восприниматься как город архаичный, с чертами «азиатчины» и «китайщины». Петербург же, наоборот, предстал городом европейским, просвещенным, на сотню лет обогнавшим Москву в своем развитии.

В художественной литературе и критике этот диалог столиц, двух культурных полюсов жизни и «архитектурных текстов» отчетливо заявил о себе к концу XVIII — началу XIX века⁴. В русской классике сложились своеобразные семантические доминанты двух культурных центров: Москва — сердце, Петербург — голова; Москва — город невест, Петербург — город холостяков («Петербург — гостинная, Москва — девичья», по словам Пушкина); Москва — большая деревня, Петербург — город; Москва — восток, Петербург — запад; Петербург — город департаментов и дворцов, Москва — город усадеб.

По мысли доктора культурологии В. Л. Кургузова, дихотомия «свое–чужое» с течением времени сливается в диалектическом единстве и порождает триаду «свое–чужое–наше»⁵, о чем в свое время писал А. С. Хомяков, утверждая, что Москва и Петербург вместе репрезентируют два начала: «души» и «тела», «народности» и «государственности», «совещательной сорбности» и «рациональной власти», «внутреннего» и «внешнего», «вечного» и «исторического»⁶.

Но если московский текст до XX века являл собой застывшую систему, то петербургский текст «до-страивали» все новые и новые художники слова, внося свои инварианты в его метатекст. Можно говорить о Петербурге писателей XIX века: Пушкина и поэтов пушкинской поры, Гоголя, писателей «натуральной школы», Достоевского, Некрасова, Гончарова, Крестовского; писателей XX века: Блока, Белого, Ахматовой, Мандельштама, Зощенко, Берггольц; о Петербурге современных поэтов: Бродского, Самойлова, Шефнера, Кушнера, Горбовского и т. д. Этот перечень далеко не полон. Возможно выделить также Петербург многих поэтов Серебряного века, петербургский текст пролетарских поэтов и писателей, «ностальгический»

⁴ См.: *Екатерина II*. Размышления о Петербурге и Москве // *Сочинения императрицы Екатерины II*. СПб., 1907. Т. 12. С. 641–643; *Карамзин Н. М.* Записка о Древней и Новой России. СПб., 1914. С. 30–31.

⁵ URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2011-1/7-kurguzov.pdf>

⁶ Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988. С. 52–53.

Петербург писателей эмиграции, Петербург периода блокады, Петербург советский и постсоветский.

Модели двух этих текстов, их пространство во многом были заданы В. Г. Белинским в статье «Петербург и Москва», с которой начинается знаменитый альманах «Физиология Петербурга». Глава «натуральной школы» рассматривает несколько уровней текстов двух российских столиц: характеристика «внешняя» (климат, топография, топонимика, дома, архитектурные ансамбли, улицы, каналы, мосты) и «внутренняя», то есть социально-бытовые и культурно-духовные уровни текста: состав народонаселения, социальные типы и «этажи» общества, нравы и психология жителей.

Активно начавшийся в 1830-е годы диалог двух столиц велся, пожалуй, наиболее полемично в 1840-е (очерки Гоголя «Петербургские записки 1836 года»; Герцена «Москва и Петербург», 1842; Белинского «Петербург и Москва», 1845), так как обозначил зародившийся, а затем перманентно продолжающийся диалог славянофилов и западников.

И. Дмитриев, Н. Карамзин, В. Жуковский, К. Батюшков, В. Пушкин, а затем А. Грибоедов и А. Пушкин сопоставление и противопоставление «текстов» Москвы и Петербурга сделали объектом художественной рефлексии и полемического дискурса. Так, в «Горе от ума» фамусовская Москва рассматривается Грибоедовым не только как анахронический «век минувший», но и как явление, контрастное Петербургу. В таком концентрированном виде азиатское «барство дикое», низкопоклонство, подхалимство, угодничество были немислимы в просвещенном европейском Петербурге.

Даже в тех случаях, когда один из этих «текстов» в литературном произведении сюжетно отсутствовал, тем не менее он подразумевался как второй элемент оппозиции. Пример такой симметрической конструкции дан в романе Пушкина «Евгений Онегин». В нем три хронотопа, определяющих пространство русской жизни:

Петербург, Москва и усадьба. При этом Москва находится посередине между двумя названными полюсами русской жизни. У Пушкина она и «сердце» России, и узел отечественной истории, и «девичья», и «ярмарка невест», и «буфер» между Западом и Востоком, Петербургом и деревней. Стоит заметить, что поэт, создавая хронотоп «белокаменной Москвы», использует ряд сугубо московских архитектурных образов: Кремль, Петровский замок, «старинные главы» соборов, монастырях, которые возникают в сознании читателя, совершающего вместе с Татьяной путешествие по Москве (гл. VII, строфы XXXVII–XXXVIII).

Москва не только участвует в диалоге с Петербургом, но и сама организует внутренний диалог, который на протяжении веков пополняется все новыми и новыми знаками. В XIX веке содержание этого диалога составляли главным образом две антиномии: Москва как оплот косности и консерватизма и Москва — мир охранительной патриархальности, истинного семейного уклада, что ярче всего изображено Львом Толстым в романе «Война и мир». Вместе с тем эта Москва — хранительница древних традиций, русского духа и хлебосольства.

В XX веке Москва приобретает новые черты, другие культурно-семантические знаки¹. Среди разнообразия московских текстов (А. Чехов, И. Бунин, Б. Зайцев, А. Белый, М. Цветаева) особый интерес вызывает булгаковская Москва, получившая наиболее завершённый образ в романе «Мастер и Маргарита».

Выявление семантических доминант петербургского и московского текстов позволяет организовать диалог в культуре, диалог авторских моделей столиц, хронотопы которых образуют архитектурные и топонимические знаки и образы, картины быта и жизни, а также нравственное состояние общества, социальные и духовные устремления людей.

¹ См. книги А. Мертваго «Москва и Петербург» (1908), В. Шульгина «Три столицы» (1922), Е. Замятина «Москва — Петербург» (1933), М. Уварова «Петербург и Москва» (1993).